
**ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО:
200-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ К. МАРКСА**

УДК 177

DOI 10.23683/2227-8656.2018.3.6

**МАРКСОВ МЕТОД
АНАЛИЗА СОЗНАНИЯ:
ОБЪЕКТИВНО-
МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ
ФОРМЫ**

Матяш Тамара Петровна

Доктор философских наук, профессор,
Донской государственной
технической университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: tamara.matiash@yandex.ru

**MARX'S METHOD
OF THE ANALYSIS
OF CONSCIOUSNESS:
OBJECTIVE AND THOUGHT
FORMS**

Tamara P. Matyash

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Don State Technical University,
Rostov-on-Don,
e-mail: tamara.matiash@yandex.ru

В статье рассмотрена специфика Марксова метода анализа сознания, выявлено содержание введенного им понятия «объективно-мыслительные формы», показано, как и почему общественное сознание является «положенной» предпосылкой функционирования социально-экономических систем, каков подлинный смысл марксистской диалектики бытия и сознания, обоснована актуальность Марксова метода анализа сознания, в частности для понимания механизмов запуска цветных революций.

The article examined the specificity of the Marx's method of the analysis of consciousness, reveals the meaning of the concept "objective and thought forms" introduced by him. The author demonstrates how and why public consciousness becomes the "prerequisite" for the socio-economic systems functioning; the true meaning of Marx's dialectic of being and consciousness is explained. The relevance of Marx's method of the analysis of consciousness, for understanding the mechanisms of the launch of color revolutions in particular is justified.

Ключевые слова: К. Маркс; Г. Гегель; сознание; самосознание; рефлексия; объективно-мыслительные формы; духовно-практическое освоение действительности; товарный фетишизм; относительная и эквивалентная формы стоимости; «положенная» предпосылка; диалектика; общественное сознание.

Keywords: K. Marx; G. Hegel; consciousness; self-consciousness; reflection; objective and thought forms; spiritual and practical mastering of reality; commodity fetishism; relative and equivalent forms of value; prerequisite; dialectics; public consciousness.

Введение

В советской философии господствовала, по крайней мере на уровне учебников по философии, мысль о том, что в марксизме сознание определялось как способ существования знания, формирующегося в гносеологической процедуре отражения субъектом (человеком, обществом) объекта (природного и общественного бытия). Сознание как форма деятельности относилось по ведомству человека, а содержание сознания приписывалось объекту. Типичной формулой трактовки сознания была оппозиция я – не-я, субъект – объект. Но уже идеалист Гегель показал, что абсолютизация этой оппозиции является тупиковой, так как блокирует путь к обоснованию возможности познания. В спекулятивно-идеалистической форме он попытался обосновать, что возможность познания обусловлена вплетенностью духа во все социально-экономические, культурные и даже природные (в смысле возможности что-то знать) образования. Дух субстанционален, его содержание положено им самим и потому прозрачно для познающего духа.

Не соглашаясь со спекулятивно-идеалистическим толкованием субстанциональности духа, Маркс утверждал, что все логические процедуры имеют предпосылки, в роли которых выступает человеческая деятельность. С его точки зрения, логическая процедура сравнения, например, имеет «своей предпосылкой деятельность сравнения» и «вовсе не есть чисто рефлексивное определение». Так, «деньги – это практически обособившееся в самостоятельную силу сравнение», и в этом смысле они и есть «установившаяся *tertium comparationis* всех людей и вещей» (Маркс, т. 3. С. 442). Деньги в своей функции сравнения – это вещественно-фактическая зависимость, которая складывается в процессе человеческой деятельности вне и независимо от рефлектирующего сознания, без контроля с его стороны. Люди, являющиеся творцами реально сформировавшегося события «сравнения» всего при помощи денег, не могут стать к этому событию в позицию умеющего все рефлексивно прояснять субъекта познания.

Объективно-мыслительные формы как продукт духовно-практического освоения мира

Практический акт сравнения при помощи денег «изобретен» людьми, но без предварительного целеполагания. Такова особенность духовно-практического освоения мира, творящего объективно-мыслительные формы, которые Маркс характеризует как «бессубъектную информацию» системы (в данном случае – системы сравнения товаров при помощи денег) о самой себе. В работах К. Маркса, и в частности в «Капитале», показано, что «объективно-мыслительные формы вплетены в язык реальной жизни». То есть любая деятельность людей, в частности экономическая, представляет разновидность процесса духовно-практического освоения действительности, а потому сопровождается формированием неких форм социального знания, которые, не обладая способностью к рефлексии и самосознанию, сопровождают реальные действия людей, являясь необходимым их компонентом. Эти формы социального знания формируются «вне созерцания и представления» отдельного мыслящего субъекта. Поэтому-то Маркс называл их объективными мыслительными формами и приписывал им общественную значимость (Маркс, т. 23. С. 86). Объективно-мыслительными формами являются так называемые вещные, т.е. «независимые от личности» (Маркс, т. 3. С. 439) формы мышления, которые в своем содержании воспроизводили мир общественных отношений между людьми как отношения между вещами-товарами.

Марксов анализ формирования товарного фетишизма явился одновременно анализом формирования объективно-мыслительных форм и их содержания¹. Объективно-мыслительные формы, как и мышление вообще, есть компонент сознания, поэтому можно утверждать, что Маркс открыл принципиально новый метод анализа сознания, отойдя от традиционной методологии его исследования как формы отношения я – не-я, субъекта к объекту. Он показал, что естественная технология производства и воспроизводства человеческой жизни, в ходе которой формируются законы и зависимости, являющиеся детерминантами по отношению к нашим мотивам, целям (Мамардашвили, 1984. С. 59), является одновременно и процессом производства и воспроизводства определённых объективно-мыслительных форм, вплетенных в эту социальную технологию.

---

¹ Следует отметить, что нельзя отождествлять Марксов анализ объективно-мыслительных форм с требованием выводить любое их содержание только из экономики.

Проблему объективных мыслительных форм, складывающихся вне сознания отдельных индивидов и независимо от него, Маркс рассматривал с точки зрения трёх действующих лиц: автора, читателя и непосредственного агента капиталистического способа производства. Автор – это теоретик, изучающий экономические отношения как бы со стороны, объясняющий читателю, как и почему у агента капиталистического способа производства формируется соответствующее содержание мышления. Сам агент сделать этого не может, ибо, как показано в случае с деньгами, его мышление, не склонное к рефлексии, воспринимает свое содержание, порождённое вещными отношениями, как нечто само собой разумеющееся.

Процессы замещения личных отношений отношениями вещными никем заранее не планировались, не были результатом реализации некоей сознательной цели, и формирование этого замещения протекало вне и помимо контроля со стороны сознания агентов капиталистического производства. Поэтому-то они не «узнают» в этом замещении результатов собственных форм деятельности и общения с другими людьми. Для них существенным является только отношение товаров между собой, что Маркс и называл товарным фетишизмом. «Фетишизм в том и состоит, что предмету во всей его грубой телесности, в его непосредственно воспринимаемой форме приписываются свойства, которые на самом-то деле принадлежат вовсе не ему» (Ильенков, 1979. С. 138).

Марксов анализ генезиса вещных объективно-мыслительных форм

Рассмотрим суть Марксова анализа генезиса объективных мыслительных форм, «впечатанных» в фактические зависимости, складывающиеся в результате действий реализующих свои частные цели агентов капиталистического способа производства.

Товар, как показал Маркс, выступает в эквивалентной и относительной формах стоимости, каждая из которых имеет как бы свой «товарный язык». В относительной форме стоимости холст как товар говорит, что «сюртук, поскольку он равнозначен ему, и, следовательно, есть стоимость, состоит из того же самого труда, как и он, холст». «Чтобы высказать, что возвышенная предметность его стоимости... отлична от его грубого льняного тела, он говорит, что стоимость имеет вид сюртука и человеческого труда вообще, поэтому сам он в качестве стоимости как две капли воды похож на сюртук» (Маркс, т. 23. С. 61). В относительной форме стоимости товар как бы «утверждает», что его стоимость образуется трудом в его абстрактном бытии человеческого

труда вообще, т.е. по сути указывает, что за ним «скрывается некоторое общественное отношение» (Маркс, т. 23. С. 67).

Но кому указывает? Конечно, автору, проводящему научный анализ, а не агенту производства, которого реально интересует только один вопрос: сколько чужих товаров можно получить за свой товар? Этот вопрос имеет характер практического интереса, не предполагающего развернутого теоретического исследования. В такой ситуации мышление агента капиталистического производства не есть «автономное течение себя мыслящих мыслей» на манер гегелевской трактовки рефлексивного движения понятий. Оно не «отрывается от всей полноты живой жизни, от живых побуждений, интересов, влечений» (Выготский, 1982. С. 21). Но «уже в самом простом выражении стоимости, x товара А = y товара В, создается иллюзия, будто бы вещь, в которой выражается величина стоимости другой вещи, обладает своей эквивалентной формой независимо от этого отношения товаров, обладает ею как неким от природы присущим ей общественным свойством». Эта иллюзия завершается, когда форма всеобщего эквивалента «откристаллизовывается в форму денег» (Маркс, т. 23. С. 102). Кажется, что «сюртук своей эквивалентной формой, своим свойством непосредственной обмениваемости обладает от природы» (Маркс, т. 23. С. 67), как, например, от природы тела обладают свойством тяжести и теплоемкости, которые только проявляются в их взаимодействиях.

Но кому кажется?

Во-первых, самому товару. «Если бы, – писал К. Маркс, – товары обладали даром слова, они сказали бы: наша потребительная стоимость, может быть, интересует людей. Нас, как вещей, она не касается. Но что касается нашей вещественной природы, так это стоимость. Наше собственное обращение в качестве вещей-товаров служит тому лучшим доказательством. Мы относимся друг к другу лишь как меновые стоимости» (Маркс, т. 23. С. 93).

Во-вторых, агенту производства, который переводит «вещную иллюзию» товаров, объективную кажимость субстанциональности вещных отношений на человеческий язык. В вульгарном понимании это и описывается формулой: «сознание отражает объективную реальность».

Что знает Маркс-автор и во что он посвящает нас, читателей? Товарная форма и то отношение стоимостей, в котором она выражается, не имеют решительно ничего общего с физической природой товара. Отношение стоимостей – это определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах иллюзорную форму отношений между вещами. Причина такой инверсии кроется в том, что

люди, вступая в экономические отношения с целью удовлетворения своих жизненных потребностей, порождают в процессе совместной деятельности неожиданный эффект, не планируемый и не предполагаемый ни одной частной целью или волей: на определённом историческом этапе развития производства предметы потребления становятся товарами. Так, предметы потребления становятся товарами, если являются продуктами независимых друг от друга частных работ и производятся как потребительные стоимости для других. Но не просто для других (ср. оброк, десятина), а передаются другим в процессе обмена. Свою общественную связь, свой специфически общественный характер частные виды труда проявляют только в обмене.

Возникает двойственный характер труда, который порождает двойственный характер продуктов труда. С одной стороны, частные виды труда выступают как звенья естественно выросшей системы разделения труда, как особенный труд, производящий особенный предмет. С другой – все эти частные виды труда в процессе обмена сводятся к некоему абстрактному труду, предполагающему равенство всех частных видов труда. Сведение частных видов труда к труду абстрактному, труду вообще происходит как объективный процесс, не контролируемый сознанием отдельных индивидов. На поверхности общественной жизни труд вообще выступает в форме стоимостных характеристик продуктов труда. То есть общественный характер частных видов труда воспринимается агентами производства в виде предметных свойств. «Мозг частных производителей» отражает общественный характер равенства разнородных видов труда «в той форме, что эти материально различные вещи, продукты труда, суть стоимости» (Маркс, т. 23. С. 83–84). Возникает товарный фетишизм, в который вцементированы вещные отношения лиц. Агент производства буквально повторяет в своем мышлении «объективную кажимость» вещных отношений.

Сознание, для которого главным является вопрос о том, сколько чужих товаров можно получить за свой, вполне обеспечивает «нормальное» существование агентов производства. Они видят, что величины стоимостей (курсы валют, если говорить о современности) непрерывно изменяются независимо от желаний, предвидения, воли лиц, вступивших в товарно-денежный обмен. Поэтому они рассматривают эти изменения как нечто, под контролем чего находятся люди (Маркс, т. 23. С. 85).

И хотя Маркс-автор-теоретик открыл, что продукты труда, поскольку они суть стоимости, представляют собой лишь вещное выра-

жение затраченного человеческого труда, это открытие не изменило практического сознания товаропроизводителя. Не поколебало уверенности агентов производства в убеждении, что товарное производство является вневременным, и открытие Маркса, согласно которому только для товарного производства справедливо, что специфически общественный характер частных работ состоит в их равенстве как человеческого труда вообще и что он принимает форму стоимостного характера продуктов труда. Маркс доказал, что величина стоимости определяется рабочим временем. Но и это открытие не устранило вещной формы определения величины стоимости.

Итак, объективные мыслительные формы, в данном случае вещные, вписаны в практику товарных отношений и имеют принудительную силу для агентов этой практики. Мышление агентов экономической деятельности не может изменить свое содержание с помощью теоретической рефлексии движения к истине. И потому еще в «Немецкой идеологии» Маркс писал, что «все формы и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой, не растворением их в самосознании... а лишь практическим ниспровержением реальных общественных отношений».

Специфика Марксова метода анализа сознания

На частном примере объективных мыслительных форм агентов капиталистического производства Маркс открыл метод анализа сознания, суть которого заключалась в рассмотрении содержания его мыслительных форм как симптомов некоторых других объективных процессов, выступающих в качестве детерминант. Анализ сознания проведен Марксом не в традиционной философской манере, т. е. без использования традиционных терминов, таких, например, как «самосознание». Философы же идеалистического направления вообще ничего не могли сказать о сознании без использования категории «самосознание». Неслучайно немецкую идеалистическую философию называют философией самосознания. Марксу же эта категория не понадобилась, ибо он показал, что содержание мыслительных форм сознания агентов капиталистического способа производства детерминировано процессами, не представленными в самосознании. Поэтому-то он анализирует сознание в терминах объективных социально-экономических процессов, или, как писал М.К. Мамардашвили, в терминах социальной физики, а не в терминах самосознания, восприятия, созерцания, ощущения и т.д. Маркс анализировал то содержание сознания, которое «эмпирически доступно и верифицируемо вне и помимо его созна-

тельного выражения самими агентами и носителями». При этом выявление содержания сознания являлось одновременно и способом выявления того, как формировалось это содержание (Мамардашвили, 1984. С. 46). Формировалось же оно как бы за спинами мыслящих и самосознающих себя индивидов, что и создавало иллюзию непричастности человека к формированию объективно-мыслительных форм сознания. Маркс же показал, что, ввергаясь в стихию коллективных действий капиталистического производства, не контролируемых сознанием, люди фактически сами создают все экономические зависимости между собой и все сопутствующие духовные компоненты в виде объективно-мыслительных форм, а следовательно, люди сами творят содержание своего сознания. Так была отвергнута позиция идеализма, согласно которому содержание мыслительных форм генерируется Абсолютом.

И в этом принципиальное отличие Маркса от Гегеля. В «Феноменологии духа» также три персонажа: автор, читатель и агент практической деятельности. Гегель, исходя из идеалистических предпосылок, наделяет сознание последнего способностью дойти до точки зрения науки. Для него сознание агента практической деятельности имеет в себе импульсы саморазвития и самодвижения и обладает способностью держать под контролем все свои мыслительные ходы на пути к истине. Поэтому Гегель-автор только следил за ходом развития сознания и показывал читателю, как оно на каждом этапе своего развития осознает свою односторонность, недостаточность. Маркс, анализируя природу объективно-мыслительных форм, напротив, считал, что никакая рефлексия гегелевского толка не может быть к ним применима. Возможности быть рефлектирующим субъектом у тех, кто произвел объективно-мыслительные формы и является их носителем, ограничены, так как содержание этих форм разворачивается «по линиям неявных и неконтролируемых зависимостей и объектов» (Мамардашвили, 1984. С. 48).

Объективно-мыслительным формам, как считал Маркс, присуще конкретно-историческое содержание, что обнаруживается, как только мы переходим к рассмотрению иных, некапиталистических форм производства. Так, в Средние века, когда непосредственной общественной формой труда являлась его «натуральная форма, его особенность, а не всеобщность» (Маркс, т. 23. С. 87), труду и его продуктам не приходилось принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму товара, а мышлению – вещную форму. В Средние века были иные объективно-мыслительные формы, вплетенные в реальную жизнь людей.

Сознание как предмет политической экономии

«Впечатанность» в систему товарного производства объективных мыслительных форм дала возможность Марксу анализировать их не в науке логики, не в учении о духе, а в политической экономии. До Маркса политэкономия являлась наукой «о способах наживать деньги», а потому была «излюбленной наукой торгашей» (Маркс, т. 2, С. 497). Купля-продажа, величина доходов буржуазии и заработной платы рабочих, необходимой для поддержания их физического существования, – такова тематика домарксовской политэкономии. Например, все экономисты под рубрикой распределения рассматривали только два пункта: «1) собственность, 2) её охрана юстицией, полицией и т.д.» (Маркс, т. 12. С. 713). Рабочий как человек не интересовал политэкономию, а потому его мысли, чувства, духовные потребности, выходящие за рамки понимания рабочего как рабочей силы, «она предоставляет уголовной юстиции, врачам, религии, статистическим таблицам, политике и надзирателю за нищими». Прежняя политэкономия изучала труд только в виде «деятельности для заработка» и не анализировала, какое мышление и какие чувства обуславливаются сведением конкретных видов труда к труду абстрактному, труду вообще, «какой смысл в ходе развития человечества имеет это сведение большей части человечества к абстрактному труду» (Маркс, т. 42. С. 54). Этот смысл, как считал Маркс, заключается в том, что форма деятельности и общения людей сводится к одностороннему пользованию вещью, к её присвоению.

Присвоение ставит «на место всех физических и духовных чувств простое отчуждение всех этих чувств – чувство обладания» (Маркс, т. 42. С. 120). В этой ситуации ценность человека, престижность его социальной роли измеряется количеством вещей, которыми он обладает. Практическая жизнь формирует некое имеющее объективно-мыслительную форму чувство зависимости людей от мира вещей, и это чувство «весьма трудно вытеснить» из сознания. То есть в политэкономии Маркс анализирует не только объективно-мыслительные, но, если можно сказать, объективные формы чувств. Именно зависимость от мира товаров вызывает метаморфоз человеческих чувств. «Товаровладелец пополняет своими собственными пятью и даже более чувствами отсутствующую у товара способность воспринимать конкретные свойства других товарных тел» (Маркс, т. 23. С. 95). Все чувства товаровладельца становятся такими, как если бы они принадлежали товару. Действительно, записанная на челе товара его стоимость в денежном выражении представляет для окружающих

меру богатства человеческой субъективности владельца товара, что определяет в итоге содержание чувств и способов отношения людей друг к другу. Богатство чувств личности усекается до деловитости и активности, ориентированных на успех и пользу, которые сравнительно легко переводятся в денежное выражение. Напротив, например, чувства стыда, совести не подлежат такому переводу, а потому мешают жить в ситуации жесткой конкуренции. Ориентация на пользу, выгоду, успех родилась не в головах идеологов: она была необходимым компонентом капиталистического способа производства. То есть вещный практицизм образа мыслей и чувств не был привнесён в жизнь рефлектирующим сознанием теоретиков, не был «вычитан» товаро-владельцами из специальных пособий, объясняющих, что следует думать и чувствовать в условиях капиталистического способа производства. Этот «практицизм» спонтанно «впечатался» в практику капиталистических отношений, что и позволило Марксу провести анализ форм мышления и форм чувств агентов капиталистического способа производства, не прибегая в ходе этого анализа к понятиям «самосознание», «рефлексия», «восприятие», «представление» и т.д. Маркс показал, что содержание анализируемых им объективных форм мысли и чувств не принадлежит ни области чистой субъективности, ни области чистой объективности: оно есть единство субъективного и объективного, но в этом единстве приоритет все же на стороне всеобщих механизмов социальной деятельности людей, т.е. на стороне общественного бытия. Но этот приоритет относительный, ибо общественное бытие формируется индивидами, а потому не является трансцендентным по отношению к человеку и его сознанию, что даёт возможность изучать содержание сознания через анализ предметно-практических форм человеческой деятельности. Таков смысл понятия «духовно-практическая деятельность».

Маркс о сознании как «положенной» предпосылке формирования капиталистического способа производства

Буржуазия изобрела соответствующий её мышлению и чувствам способ производства. Это соответствие и стало одним из условий генезиса капитализма. Но этого условия не достаточно. Необходимо было, как писал Маркс, чтобы сознание остальных индивидов, носителей феодальных объективно-мыслительных форм, изменилось и стало соответствовать изобретённому буржуа способу экономической жизни. И перед буржуа встала задача: приучить согнанных с земельных

участков людей добровольно продавать свою рабочую силу, т.е. перестроить их сознание.

Процесс перестройки сознания мог совершаться постепенно, что делало его долгим. Для его ускорения буржуа использовали систему принуждения и насилия¹. На протяжении почти трехсот лет в Европе, прежде всего в Англии, шел невиданный по масштабам эксперимент над людьми. К дисциплине наемного труда их «приучили, опираясь на чудовищные террористические законы, поркой, клеймами, пытками» (Маркс, т. 23. С. 747). Как известно, этот эксперимент удался: с течением времени у людей труда атрофировалось чувство собственности и сформировались «покорность, умеренность, прилежание и... готовность переносить чрезмерный труд» (Маркс, т. 23. С. 727, 766). Сознание людей труда стало адекватно социально-экономической системе: капитализм встал «на собственные ноги». Жизненно важной заботой капиталистической системы стали постоянное воспроизводство адекватного ей сознания и очищение его от «чужеродного содержания». «С развитием капиталистического производства в течение мануфактурного периода общественное мнение Европы, – как писал Маркс, – освободилось от последних остатков стыда и совести. Нации цинично хвастились всякой гнусностью, раз она являлась средством для накопления капитала» (Маркс, т. 23. С. 769).

Итак, на примере капитализма Маркс открыл, что любой способ производства может стабильно функционировать, только при постоянном воспроизведении адекватных ему объективно-мыслительных форм и всеобщих форм чувств. В такой ситуации данный способ производства и соответствующий ему уровень жизни агентов этого производства воспринимаются ими как нечто само собой разумеющееся, что блокирует размышления о социальной и экономической справедливости / несправедливости. Появление же таких размышлений – симптом перехода социально-экономической системы в режим нестабильного существования, и для своего сохранения она вынуждена силой (аресты, тюрьмы и т.д.) блокировать всякого рода несовпадения содержания сознания людей с логикой функционирования системы. Так, «признание продуктов труда своими собственными продуктами и оценка отделения труда от условий его существования как несправедливого,

---

¹ Перестройка сознания людей труда с помощью насилия происходила во всех странах, где шел процесс первоначального накопления капитала. Везде, как писал Маркс, «пользуются государственной властью, т.е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы ускорить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым». И далее Маркс пишет: «Само насилие есть экономическая потенция».

насильственного свидетельствуют, – писал Маркс – об огромной сознательности... и служат похоронным звоном, предвещающим гибель» капитализма. Аналогично с появлением у раба «осознания себя личностью рабство влачит уже только искусственное существование и не может дальше служить основой производства» (Маркс, т. 46, ч. 1. С. 451–452).

Следует особо подчеркнуть, что Марксов метод анализа сознания имеет огромный эвристический потенциал, в частности прогностический. Например, Маркс предугадал содержание сознания индивидов в обществе «грубого» коммунизма, идеи которого разрабатывали Г. Бабеф, Э. Кабе, Т. Дезами, Р. Оуэн, В. Вейтлин (Маркс, т. 42. С. 114–115).

Заключение

Марксов метод анализа сознания позволил адекватно интерпретировать формулу «общественное бытие определяет общественное сознание». По крайней мере в советских учебниках по философии толкование её было вульгарным: термин «определяет» отождествлялся по смыслу с термином «отражает». Сведение данной формулы к процессу отражения, на манер гносеологического, в немалой степени способствовало господству технократизма в определении путей развития общества. В контексте Марковского понимания диалектического процесса взаимодействия типов общественного бытия с типами общественного сознания термин «определяет» имеет другую смысловую нагрузку. Речь в данном случае идет о том, что сознание выступает как «положенная» предпосылка, т. е. такая предпосылка, которая становится постоянно воспроизводимым компонентом формирующейся системы, обеспечивающим её стабильное функционирование.

Открытая Марксом диалектика общественного сознания и общественного бытия не потеряла своей актуальности. Её жизненность демонстрируют цветные революции, предпосылками которых всегда выступает перестройка сознания активных людей. Правда, эта перестройка происходит под действием мягкой силы (*soft power*) (Наумов, 2016. С. 73–86), которая, будучи формой внешнеполитической стратегии, также осуществляет принуждение. Но в отличие от описанного Марксом жесткого насилия она принуждает, используя добровольное участие граждан, завоеывая их симпатии с помощью привлекательных целей.

Литература

Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1982–1986. Т. 2.

Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6, 7.

Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1–39. Издание второе. М. : Изд-во политической лит-ры, 1955–1974. Т. 2.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1–39. Издание второе. М. : Изд-во политической лит-ры, 1955–1974. Т. 3.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1–39. Издание второе. М. : Изд-во политической лит-ры, 1955–1974. Т. 12.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1–39. Издание второе. М. : Изд-во политической лит-ры, 1955–1974. Т. 23.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 40–50. Издание второе. М. : Изд-во политической лит-ры, 1975–1981. Т. 42.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 40–50. Издание второе. М. : Изд-во политической лит-ры, 1975–1981. Т. 46, ч. 1.

Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные революции» // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1.

References

Vygotsky L.S. (1982-1986). Collected works in 6 vols. Vol. 2. Moscow.

Ilenkov E.V. (1979). The problem of the ideal. *Voprosy filosofii*. No. 6, 7.

Mamardashvili M.K. (1984). Classical and non-classical ideals of rationality. Tbilisi.

Marx, K., Engels F. (1955-1974). Works, volumes 1-39. Second edition. M.: Izd-vo politicheskoy lit-ry. T. 2.

Marx, K., Engels F. (1955-1974). Works, volumes 1-39. Second edition. M.: Izd-vo politicheskoy lite-ry. T. 3.

Marx K., Engels F. (1955-1974). Works, volumes 1-39. Second edition. M.: Izd-vo politicheskoy lit-ry. T. 12.

Marx K., Engels F. (1955-1974). Works, volumes 1-39. Second edition. M.: Izd-vo politicheskoy lit-ry. T. 23.

Marx K., Engels F. (1975-1981). Works, volumes 40-50. Second edition. M.: Izd-vo politicheskoy lit-ry. T. 42.

Marx K., Engels F. (1975-1981). Works, volumes 40-50. Second edition. M.: Izd-vo politicheskoy lit-ry. T. 46, p. 1.

Naumov A.O. (2016). "Soft power" and "color revolutions". *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*. № 1.

Поступила в редакцию

25 апреля 2018 г.